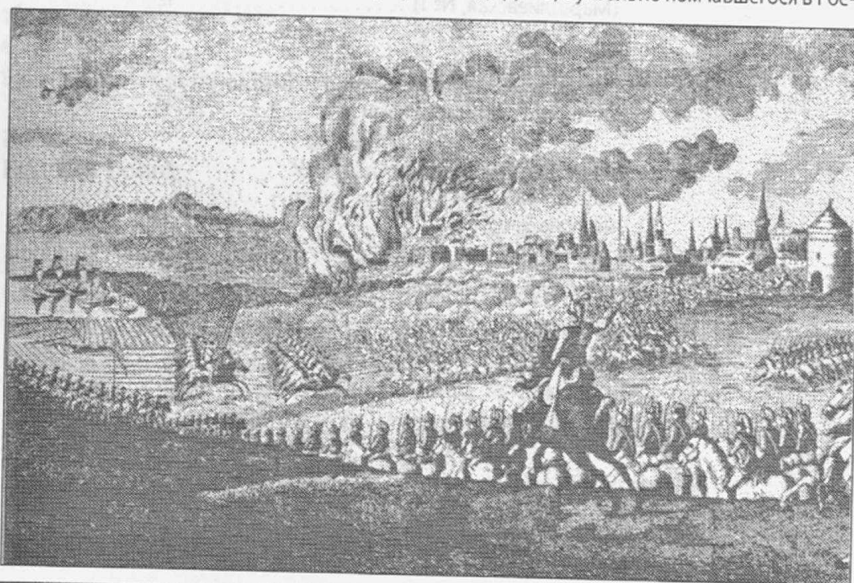

Французские волонтеры в Измаиле: неопубликованная записка графа Ланжерона

Описывая в поэме "Дон Жуан" события, происходившие в конце 1790 года под Измаилом, лорд Байрон сначала демонстративно не желал называть французов среди иностранцев — участников штурма турецкой крепости, хотя и не отрицал факт их присутствия как таковой: "Там были и веселые французы, / Но я — неукротимый патриот: / В столь славный день моя британка-муза / Зазорных их имен не назовет!". (Зато он с удовольствием перечислил "Джеки, Билли, Вилли, Джилли..." — "пятнадцать Томсонов и двадцать Смитов!".) Об этом ярком эпизоде русско-турецкой войны английскому поэту было известно из "Истории Новороссии" Г. Кастельно, чему были посвящены следующие строфы, не лишенные сарказма: "Когда бы нам (историк говорит) / Деянья русских описать досталось бы, / Тома б наполнить мог любой пиит — / И многое несказанным осталось бы!" / А потому о русских он молчит / И воздаст хвалы (смешно, казалось бы!) / Десятку чужеземцев: Ланжерон, / Дама, де Линь — вот русской славы звон!". Вот об этом "десятке чужеземцев" и пойдет речь.

В конце XVIII века участие в военных действиях против Порты стало для европейцев делом чести. Тон задавали такие блестящие представители эпохи, как принц де Линь, адмирал Нассау-Зиген. Приключение графа Роже де Дама, буквально помчавшегося в Рос-

сию воевать с турками в русской армии в очаковскую кампанию, было вдохновляющим примером для молодых французских дворян.

При этом подобное поведение совершенно не соответствовало официальным установкам французской дипломатии: в ходе русско-турецкого противоборства за господство в Северном Причерноморье Франция поддерживала Османскую империю. Строительством и укреплением ряда турецких крепостей руководили находившиеся на службе Порты французские инженеры. Самым известным из них был Лафитт-Клаве (автор одного из планов Хаджибея), возглавивший работу инженерной миссии по перестройке турецких крепостей Очаков и Измаил.

Одновременно с этим в русскую армию поступают французские офицеры и, как точно подметил исследователь, "мы присутствуем при странном зрелище, как французские инженеры, посланные правительством, помогают туркам укреплять и вооружать их крепости в то самое время, как французские добровольцы в русских войсках готовятся эти же крепости штурмовать".¹

Начавшаяся революция во Франции усилила приток в русскую армию волонтеров, движимых не только благородными порывами. По признанию Ланжерона, поступившего на русскую службу весной 1790 года, среди них было немало "жалких авантюристов", приехавших в Россию в поисках чинов и высоких покровителей, которых можно одурачить. Неудивительно, что и в армии, и при дворе с таким недоверием отнеслись к Роже де Дама, Ришелье и самому Ланжерону, готовых riskовать жизнью "ради одного лишь страстного желания отличиться".² Едва узнав о предстоящем штурме крепости Измаил, Ланжерон и Ришелье (тогда еще герцог Фронсак) вместе с сыном принца де Линя Шарлем немедленно отправились в армию Потемкина. Эта история хорошо известна. Покинув Вену, они "пустились в путь в плохих открытых почтовых каретах и мчались днем и ночью в пасмурную, холодную и дождливую осеннюю погоду, за 9 дней они добрались до Бендер, где тогда находился князь Потемкин".

Впечатления Ришелье от первой встречи со "светлейшим" отражены в его "Дневнике путешествия в Германию, начатом 2 сентября 1790 года". Арман Эммануэль был поражен увиденным: "Князь Потемкин занимал в Бендерах дом паши. Мы вошли через портик и зал, заполненный офицерами всех званий, которые допускались к нему лишь в определенные часы. Нас тотчас же представили. Десять дней и десять ночей путешествия, страшная усталость, пустынная и непросвещенная страна, — [все это] не подготовило меня к зрелищу, которое бросилось мне в глаза, когда я вошел в салон князя: диван из золотистой ткани под роскошным балдахином, пять прелестных женщин, убранных со всем вкусом и изысканностью, какие только возможны; шестая, одетая со всем великолепием греческо-

¹ Миллер К. Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II. Париж, 1931, с. 281.

² Архив министерства иностранных дел Франции (AMAE). Mémoires et documents. Russie. Vol. 20. F. 235.

го костюма, возлегала на диванных подушках на восточный манер. Князь Потемкин сидел один подле нее. Он был одет в разновидность весьма длинной шубы, довольно похожей на халат; это его излюбленная одежда, и зачастую кроме нее на нем ничего нет, и в таком случае он может быть почти обнаженным. Пятьдесят офицеров всех званий стояли в глубине зала, освещенного огромным количеством свечей. Таково было зрелище, подробности которого я заметил, когда мои глаза, ослепленные всем, что их поразило, смогли постепенно распознать все, что окружало меня".³

10 и 11 ноября, находясь в Яссах, Ришелье и Ланжерон написали письма князю с просьбой позволить им присоединиться к русской армии, расположившейся под Изнаилом.⁴

Среди участников знаменитого штурма в декабре 1790 г. они нашли как своих соотечественников, так и выходцев из других стран (самые громкие имена напрямую связаны с основанием Одессы — де Рибас, де Волан; назовем здесь и кавалера де Россе (Росетти?), впоследствии — инспектора карантина одесского порта, близкого друга Ришелье). В рапортах князя Потемкина и адмирала де Рибаса о взятии Изнаила несколько раз упоминаются граф Дама, принц де Линь, герцог Фронсак, "который сражался с отличною храбростию, устремляясь повсюду, где только предстояла опасность". Выделяют и "королевской французской службы полковника графа Ланжерона, оказавшего отменную неустранимость в атаке неприятеля".

Награждая Ришелье орденом св. Георгия 4-й степени и шлагой с надписью "За доблесть", императрица писала в собственноручном черновом рескрипте на имя герцога: "Вы разделили опасности и усилия столь храбрых и выдающихся воинов".

Французские волонтеры покинули Изнаил с ощущением исключительности приобретенного ими опыта — и военного, и человеческого. Они были свидетелями настоящей бойни (приказ Суворова был "взять Изнаил любой ценой"), героизма солдат и офицеров, но и мелочной зависти генералов русской армии к успехам друг друга, и интриг при "дворе" Потемкина.

Мемуары Дама, Ришелье, Ланжерона содержат как хорошо известные сведения о самом штурме (эта кампания давно и подробно изучена), так и любопытные "живые" детали о настроениях и поведении его участников. Накануне они вместе ужинали, играли в карты и проболтали всю ночь, наговорив немало глупостей. Сотрапезников было 11 человек; было хладнокровно подсчитано, что каждый третий из них погибнет, и даже бросили жребий, чтобы узнать имена четверых несчастных. Однако все участники застолья остались живыми и почти не пострадали (лишь трое были легко ранены). Впрочем, повезло далеко не всем: французскому волонтеру некоему Буамилону, очевидно, не приглашенному на ужин, оторвало ядром голову. "Прискорбно, что этот триумф стоил такой крови и что он был осквернен беспримечной в истории резней..." — сокрушался Ришелье в своем

"Дневнике". Детали, врезавшиеся в память и приведенные в воспоминаниях, куда красноречивей статистики потерь. Вспоминая, как после штурма они шли по щиколотку в кровавой грязи, Ланжерон уверял, что эта жутковатая краска навсегда осталась на его шелковых чулках, безукоризненно белых еще утром того памятного дня.⁵

Штурм Изнаила занимает особое место в послужном списке Ланжерона, принявшего участие, по его собственным подсчетам, в девяти войнах, двадцати двух битвах, тридцати пяти боях, двадцати шести стычках, двух штурмах, пятнадцати осадах и восьми вылазках. На протяжении жизни он неоднократно обращался к памятным событиям конца 1790 года. Воспоминания эти опубликованы лишь частично.

Ланжерон сначала присоединился к своим товарищам в Вене, затем, навестив родственников в Экс-ла-Шапель, направился в Петербург. Очевидно, что как раз тогда, спустя два с половиной месяца после описываемых событий, и была написана приведенная ниже записка. К сожалению, нам неизвестно, кому именно предназначался этот документ, хранящийся в Национальном архиве Франции в бумагах семьи графа. Можно предположить, что это фрагмент письма Ланжерона к их общему с Ришелье другу и корреспонденту — графу А.К. Разумовскому, с которым они могли познакомиться в Вене в том же 1790 году, кем-то переписанный специально для рассказа об измайльских событиях.

Записка о штурме и взятии Изнаила русскими 21 декабря 1790 года г-на Ланжерона, французского офицера, волонтера русской армии

Я обещал вам [сообщить] детали ужасного события, недавно произошедшего здесь, хотя мне вовсе не хочется описывать его; однако сведения, которые я вам передам, представляют такой интерес и значение для государства, которому я служу, что с удовольствием отправляю их вам, вовсе не считая, что поступаю нескромно.

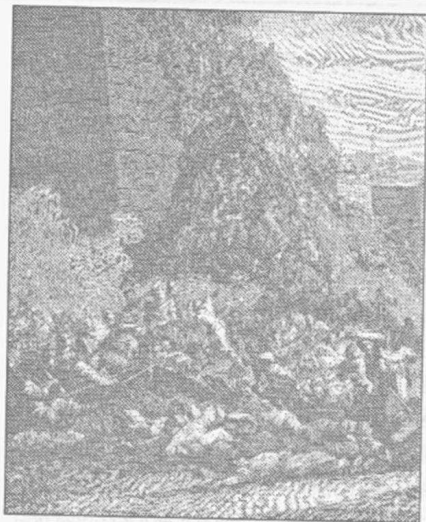
Штурм, предпринятый в Изнаиле, — кровавое событие, превосходящее даже штурм Очакова.

Изнаил находится на левом берегу Дуная, в тридцати лье от Черного моря. Весьма высокий (и) крутой берег [этот] лишь слегка покрыт глиной, но чрезвычайно прочен, он обнесен частоколом; перед ним вырыт глубокий ров. Со стороны реки он (берег) оставался совершенно незащищен-

³Сборник русского исторического общества. СПб., 1887, т. 54, с. 147-148.

⁴См. Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. 9, с. 237-238.

⁵См. Damas, comte Roger de, Mémoires. 2 vol. Paris, 1912-1914; AMAE Mémoires et documents. Russie. Vol. 20; Сборник русского исторического общества, т. 54. См. также Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France, 1700-1900, Paris, 1886.

ным; сознавая важность этой крепости, турки послали сюда сераскера¹, трех пашей, трех султанов из Крымских ханов, семнадцать тысяч янычар, от двенадцати до тринадцати тысяч турок и триста восемьдесят орудий.

1 декабря 1790 года флотилия приблизилась к городу и обстреляла его со стороны реки, три корпуса наземных войск собрались и окружили город; в целом они составляли двадцать пять тысяч регулярных войск и от десяти до двенадцати тысяч козак: 10-го принять командование армией прибыл генерал Суворов.

На другой стороне реки на расстоянии ста и ста двадцати туазов² от крепости было построено восемь батарей и в ста туазах от суши — еще четыре. Эти работы закончились лишь 20-го, а турки соорудили вдоль реки укрепление, оснащенное пятьюдесятью четырьмя орудиями. Батареи флотилии начали обстрел 20-го в восемь часов утра: канонада продолжалась двадцать один час, а штурм начался 21-го в шесть часов утра. С помощью лестниц и фашин со стороны суши поднялись четыре колонны, каждая из пяти батальонов и одна колонна из четырех тысяч козак. Со стороны реки мы высадили десять батальонов и три тысячи козак. Турки ждали нас, и каждая колонна была обстреляна картечью, ружьями, гранатами, пистолетами и т. д. Несмотря на эти препятствия, штурм состоялся, и с появлением [русских войск] на крепостной стене огонь прекратился. Наши солдаты пиками и штыками атаковали турок, которые были вооружены саблями и кинжалами. Этот бой продолжался пять часов: турки были изгнаны с крепостных стен; они забаррикадировались на улицах, и каждый дом был осажден. Наконец в полдень четыреста турок (оставшихся из тридцати тысяч, защищавших город) сложили оружие, и бой прекратился. Последовавший страшный грабеж закончился лишь на следующий день. Почти во всех колоннах мы потеряли треть убитыми и ранеными, а в одной — две трети. На двадцать три тысячи участников штурма приходилось от шести до семи тысяч жертв, в том числе [погибли] три

¹Сераскер — заместитель великого везира, руководивший войсками в Османской империи.

²Старинная французская мера длины, равная шести футам (около двух метров).

генерал-майора, один бригадир, шесть полковников, более сорока подполковников или майоров и двести-триста [младших] офицеров.

Я был занят в корпусе генерала Арсеньева, взобравшегося на кавальер³, на более чем сорок футов возвышавшийся над водой, на котором было установлено двадцать две пушки. Пять батальонов, которые составляли эту колонну, предприняли пять атак (приступов) и один самостоятельный маневр. Я попросился следовать за графом Роже де Дама, командовавшим пятьюстами сорока стрелками и десятью офицерами: из них мы потеряли семерых и [кроме того] сто восемьдесят семь солдат. Добравшись до вершины парапета с большим трудом, потому что было очень сыро и скользко (что вынудило нас опираться на штыки солдат, увязших в земле), я имел несчастье быть сброшенным вниз на более чем тридцать футов находившимся впереди меня поскользнувшимся стрелком. Я отделался легким вывихом, от которого страдал совсем недолго. Во Франции граф Дама младше меня по званию, а в России старше. Однако я был рад служить под началом столь достойного младшего (по званию). Фронсак (граф де Шинон, внук покойного г-на маршала Ришелье) продемонстрировал чудеса храбрости в колонне под началом принца Шарля де Линя. Последний ранен в бедро. Князь Гессенский, волонтер, получил сквозное ранение, а одежда г-на де Фронсака дважды задета пулей. Обеспечив русским столько преимуществ для последующей кампании, взятие Измаила вынудит турок заключить мир. Потребовалось несколько дней, чтобы убрать трупы, которыми были заполнены рвы, земляные валы, улицы и большие площади. Не могло быть и речи о том, чтобы спасать раненых, почти все были безжалостно добиты. Были пленные, которые при виде этой жуткой бойни умерли от страха. Quo usque tandem?⁴

Принц де Линь и г-н де Фронсак отправились сообщить эту новость в Вену.

Филиппвиль, 7 марта 1791 года в 9 часов вечера

³Земляная насыпь для установки орудия.

⁴До каких же пор, наконец? (пер. с лат. яз.). Слова Цицерона из речей против Катилины, выражающие гневное нетерпение.